

© 2022. А. А. Калитник
Череповецкий государственный университет
г. Череповец, Россия

Христианские мотивы в рассказе С. В. Энгельгардт «Один Бог правду видит»

Аннотация: В статье представлен анализ христианских мотивов в рассказе С. В. Энгельгардт «Один Бог правду видит», который является прямым переосмыслением рассказа Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет». Доказывается, что Софьей Энгельгардт творчески освоены идеи Толстого на уровне сюжета, формы повествования, мотивов и хронотопа. Важным оказывается контекст ранней прозы Энгельгардт 1850–1860-х гг., предшествующий закреплению христианских мотивов в ее дальнейшем творчестве 1870–1880-х гг. Автором статьи в рассматриваемом рассказе выделяются и анализируются мотивы чуда, греха, покаяния, прощения, молитвы, странничества, духовного наставничества. Подробное изучение реализаций различных мотивов и их смысловых переключек позволяет выявить значимые оппозиции, проследить духовную эволюцию героев.

Ключевые слова: С. В. Энгельгардт, Л. Н. Толстой, рассказ, сюжет, персонажи, хронотоп, форма повествования, христианские мотивы.

Информация об авторе: Анастасия Анатольевна Калитник, аспирант, Череповецкий государственный университет, пр-т Луначарского, д. 5, 162600 г. Череповец, Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4792-8458>

E-mail: tancazu@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 19.02.2022

Дата одобрения статьи рецензентами: 28.04.2022

Дата публикации статьи: 25.06.2022

Для цитирования: Калитник А. А. Христианские мотивы в рассказе С. В. Энгельгардт «Один Бог правду видит» // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 96–109. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-96-109>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 96–109. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 4, no. 2, 2022, pp. 96–109. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2022. **Anastasia A. Kalitnik**
Cherepovets State University
Cherepovets, Russia

Christian Motives in the Short Story “God Alone Sees the Truth” by S. V. Engelhardt

Abstract: The article presents an analysis of Christian motives in the short story by S. V. Engelhardt “God Alone Sees the Truth,” which is a direct rethinking of the short story by L. N. Tolstoy “God Sees the Truth, but Will Not Tell Soon.” The article proves that Engelhardt creatively mastered Tolstoy’s ideas at the level of plot, narrative form, motives and chronotope. Important is the context of Engelhardt’s early prose of the 1850–1860s, which preceded the consolidation of Christian motives in her later work of the 1870–1880s. In the story under consideration the author of the article highlights and analyzes the motives of miracle, sin, repentance, forgiveness, prayer, wandering, spiritual guidance. A detailed study of the realizations of various motives and their semantic echoes makes it possible to identify significant oppositions and trace the spiritual evolution of characters.

Keywords: S. V. Engelgardt, L. N. Tolstoy, story, plot, characters, chronotope, form of narration, Christian motives.

Information about the author: Anastasia A. Kalitnik, graduate student, Cherepovets State University, Sovetsky Prospekt, 8, 162602 Cherepovets, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4792-8458>

E-mail: tancazu@gmail.com

Received: February 19, 2022

Approved after reviewing: April 28, 2022

Published: June 25, 2022

For citation: Kalitnik, A. A. “Christian Motives in the Short Story ‘God Alone Sees the Truth’ by S. V. Engelhardt” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 96–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-96-109>

Тема библейской и христианской традиции в русской литературе имеет обширную библиографию и актуальна в современном литературоведении. С 1990 г. под редакцией В. Н. Захарова выходит в свет монументальное периодическое издание «Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр», появляются отдельные монографии и учебные пособия, отражающие различные подходы и аспекты проблемы. М. М. Дунаев в своей работе «Православие и русская литература», ссылаясь на слова И. С. Шмелёва, определяет русскую литературу как религиозное служение [Дунаев: 2]. Глубокая и неразрывная связь православных основ и русской классической литературы исследуется сейчас все большим количеством ученых. Уместным в этом контексте будет упомянуть монографию И. А. Есаулова «Пасхальность русской словесности», в которой автор подробно рассматривает не только упоминаемый в названии архетип пасхальности, но и архетип Рождества, шутовства и юродства.

В рамках исследуемой в данной статье темы особенно значимым представляется подход В. А. Котельникова. По мнению исследователя, в литературе XVIII в. находит отражение, прежде всего, «ветхозаветная религиозность (Ломоносов, Сумароков, Радищев, Державин). <...> Бог постигается здесь <...> в зримых проявлениях Его творческой мощи и благой власти, <...> минуя посредничество Церкви» [Котельников: 8]. В XIX в. С. Бобров, В. Кюхельбеккер, С. Шевырев придерживались именно этой позиции. В творчестве А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого проявляется уже новозаветная религиозность, предполагающая личные, интимные отношения с Богом.

Новозаветная позиция проявляется как в шедеврах классиков XIX в., так и в произведениях писателей второго и третьего ряда. Специфика отечественной беллетристики как особой составляющей литературного процесса рассмотрена в работах Н. Л. Вершининой,

А. В. Чернова. Для беллетристики характерно оперативно реагировать на все изменения в обществе, апробировать новые темы, представлять новых героев, оригинальные мотивы. И. А. Гурвич выделяет три основные функции беллетристики, определяющие ее важность для развития литературы. Речь идет о подготовительной (апробация новых идей), видообразующей (равнение на писателя-лидера) и закрепляющей функции (закрепление поэтических средств) [Гурвич: 62].

К беллетристическим текстам относится и творчество Софьи Владимировны Энгельгардт — русской писательницы, мемуаристки, интересной и незаурядной личности. Она общалась и вела переписку со многими известными людьми своего времени: А. А. Фетом, А. Н. Островским, А. А. Григорьевым, И. С. Тургеневым. Письма Энгельгардт к Фету были опубликованы Н. П. Генераловой в трех выпусках «Ежегодника Рукописного отдела Пушкинского Дома» за 1994, 1995 и 1997 гг. Она делилась с поэтом своими мыслями по поводу творчества известных авторов, живо реагировала на публикации их произведений. Так, творчество Толстого, Тургенева, их духовно-нравственные поиски не раз становились объектом полемики между Энгельгардт и Фетом.

Литературный дебют Энгельгардт состоялся в 1853 г., когда в журнале «Отечественные записки» опубликовали ее рассказ «Деревня». Перу ее принадлежат и несколько пьес: «Ум придет — пора пройдет» (1855), «Конь о четырех ногах, да спотыкается» (1856). Но основными жанрами в творчестве писательницы становятся повесть и рассказ.

В целом критики и современники не уделили большого внимания художественным произведениям Энгельгардт, но были и исключения. Так, А. В. Дружинин в статье, посвященной повести «Суженого конем не объедешь», вышедшей в журнале «Современник» за 1854 г., считает преимуществом Энгельгардт умение рассказывать, повествовать: «Расположить свою повесть по последне похваленным образцам может всякий. Но не всякий может рассказать так хорошо то, что рассказывает нам автор “Суженого”. Мысль повести превосходна: любовь умной женщины к одному из тех блестящих и слабых существ, которых суровые мыслители называют пустыми людьми» [Дружинин].

В 1862 г. в журнале «Рассвет» вышла статья С. Д. Толстой «Мысли по поводу одной повести Ольги Н». Важно сказать и о статье Д. И. Писарева «Прогулка по садам российской словесности», где он негативно

отзывается о повести Энгельгардт «Где же счастье?» (1864). Писарев иронически излагает сюжет повести: «Блаженство Натальи, о котором беседует вода на мельнице, состоит в том, что муж ее, Валерьян, восемь лет подряд говорит ей сладости и целует ее руки. Вот образчик ее блаженства» [Писарев 2011]. Отметим, что до 1860 г. Писарев был сотрудником «Рассвета» — журнала, который одним из первых вступил в горячую полемику по женскому вопросу.

Уже в 1820–1830-е гг. женщины-писательницы, как пишет И. Савкина, «перестают быть курьезом или домашней достопримечательностью и начинают претендовать на определенный статус» [Савкина 1998].

При этом отзывы критиков, касающиеся женского творчества данного периода, были сплошь негативные, саркастические. Уместно упомянуть в этом контексте слова В. Г. Белинского: «Женщина должна любить искусства, но любить их для наслаждения, а не для того, чтобы быть художником. Нет, никогда женщина-автор не может ни любить, ни быть женой и матерью, ибо самолюбие не в ладах с любовью» [Белинский: 226].

В статье 1843 г. Белинский изменит свое мнение по отношению к женской прозе. Он положительно выскажется о творчестве Е. А. Ган и М. А. Жуковой. Однако вряд ли поздний Белинский смог бы по достоинству оценить христианские мотивы творчества Энгельгардт. Белинский и его соратники (Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев) считали религию лишь средством государственного управления людьми, возможностью воспитывать легко управляемых рабов. Белинский умер до того, как Энгельгардт опубликовала свою первую повесть, а Писарев — до того, как в творчестве Энгельгардт стали появляться христианские мотивы.

В данной статье предметом анализа стали христианские мотивы в рассказе Энгельгардт «Один Бог правду видит» [Энгельгардт 1882].

Христианская тема намечается в повестях Энгельгардт еще в 1850–1860-х гг. и получает развитие в период 1870–1880-х гг. Например, в повести «Не так живи, как хочется, а так как Бог велит» (1854) религиозность остается на уровне пословичного названия и догмы. В повестях 1850–1860-х гг. герои делают только маленький шаг к Богу. В последующих произведениях христианская тема выходит на первый план, становится шире и глубже. Назвать действительную причину такой перемены не представляется возможным. Энгельгардт не любила говорить о своем творчестве.

Часто события повестей разворачиваются на историческом фоне, как в повестях «Заблудшая» (война 1812 г.), «Просьба на Екатерину II» (царствование Екатерины II), «Изгнанница Бориса Годунова» (Смутное время, нашествие поляков, ополчение Минина и Пожарского, восшествие на престол Михаила Романова). Сюжет повестей может строиться по похожим схемам: грех — покаяние — искушение — падение, а финал повести либо приводит героя к окончательному падению, либо снова возвращает к Богу.

В данной статье мы обратимся к христианским мотивам греха, покаяния, молитвы, чуда, ухода в монастырь, странничества, духовного наставничества и духовной изоляции.

Рассказ Энгельгардт «Один Бог правду видит» является прямой отсылкой к рассказу Л. Н. Толстого «Бог правду видит, да не скоро скажет». Рассказ Толстого вышел в 1872 г. в журнале «Беседа». История была передана в сказовой манере. Религиозные взгляды Толстого сводились по сути дела к мысли о непротивлении злу насилием [Толстовский листок: 4]. Толстой считал неприемлемыми смертные казни и «убиение людей друг другом во имя защиты отечества» [Толстовский листок: 7]. Рассказ Толстого посвящен теме прощения, то есть выдвинутой им мысли о том, что на зло нельзя отвечать злом.

Названия произведений обоих авторов отсылают и к формулировке пословицы: «Бог видит, да нам не сказывает» [Даль 2020].

Энгельгардт, объясняя название рассказа, ссылается на некую легенду, имеющую распространение на русском Севере: «В основу этого рассказа легла легенда, одна из весьма распространенных в северной России, на тему “Бог правду видит, да не скоро скажет”» [Энгельгардт 1882: 706].

Сюжет легенды заключается в том, что купца несправедливо обвиняют в убийстве и отправляют на каторгу, где он проводит больше 20 лет своей жизни. В рассказе Толстого герой умирает на каторге, в то время как герой Энгельгардт возвращается домой. Писательница берет за основу сюжет толстовского рассказа, но придает ему новые смыслы за счет использования христианских мотивов.

В первую очередь, обратимся к хронотопу рассказа. Время действия охватывает практически всю жизнь купца Ивана Дмитриевича Семенова, начиная с молодости и заканчивая преклонным возрастом. Купец жил в городе Владимире, владел двумя лавками и домом, «по праздни-

кам лишнюю рюмочку выпивал», но все «знали, что сердце у него доброе» [Энгельгардт 1882: 706].

Серьезные перемены в жизни Ивана Дмитриевича предвещает сон его жены: «Сон мне дурной приснился. Вижу я, вернулся ты домой, да как снял шапку — волосы твои поседели. Это к беде» [Энгельгардт 1882: 706].

Энгельгардт пристальное внимание уделяет изображению духовного мира. Один из распространенных приемов в творчестве писательницы — изображение сновидений героев. В снах концентрируются страхи, переживания и надежды людей, которые умело и тонко передает писательница. В повестях Энгельгардт сновидение может ввергнуть героя в состояние ужаса (сны о бесах), а может вернуть силы для борьбы со злом и несправедливостью (сны о матери, в которых появляются символы креста, иконы).

Купец Семенов воспринимает сон только через пересказ жены. Ему недоступно непосредственное участие в событиях символического сна, хотя впоследствии он определит судьбу героя на многие годы вперед.

Пространство рассказа также объемное. Иван Дмитриевич из города Владимира едет на ярмарку, затем на постоялом дворе его арестовывают за убийство. Далее герой, согласно авторскому замыслу, переходит в закрытое пространство тюрьмы, «где он и молиться перестал» [Энгельгардт 1882: 707], и, наконец, оказывается на каторге в Сибири. А внутри каторжного пространства можно выделить следующие частные места: острожная больница, церковь, острог. Последний является одним из центральных образов в рассказе, он тесно связан с духовным путешествием героя. Поначалу острог воспринимается Семеновым в его прямом значении: «Длинное одноэтажное здание тянулось по одной стороне двора; то была казарма для каторжников. Семенова ввели в узкую, огромных размеров комнату, в которой помещалось человек сорок. В этой комнате было грязно, темно, душно... Не дай Бог в нее и ненадолго попасть с свежего воздуха...Задохнешься» [Энгельгардт 1882: 722].

Иван Дмитриевич попадает в пространство церкви и приобщается к нему через пение на клиросе (молитву): «В тот день Семенов стоял возле клироса; запели херувимскую, и он стал подтягивать дьячком. Словно помимо его собственной воли, голос выливался из груди и не мог умолкнуть до конца литургии» [Энгельгардт 1882: 723]. Важным

оказывается и влияние на героя церковного старосты Захара Архиповича. В нем воплощается образ духовного наставника и странника, паломника к святым местам.

Энгельгардт использует прием «рассказ в рассказе». Захар Архипович повествует купцу о своей жизни и своем пути к Богу, к вере. В этом контексте важным оказывается топоним Троице-Сергиевой Лавры, образ Преподобного Сергия Радонежского и примыкающий к ним мотив чуда. Мотив чуда приобретает основополагающее значение для героя Энгельгардт. Чудо приводит к вере, возвращает к жизни человека отчаявшегося, опустившего руки. Можно привести в пример и такие повести Энгельгардт, как «Рано или поздно» (1878), «Вечер на святках» (1882), «Злоба дня» (1881).

Мотив чуда тесно связан со странничеством. Купец в рассказе «Один Бог правду видит» принимает на себя роль странника, когда встречается на жизненном пути духовного наставника в образе церковного старосты Захара Архиповича. Образы священников, монахов, просто благочестивых людей выходят в произведениях Энгельгардт на первый план. Их понимание жизни оказывается спасительным для героев: это и отец Василий («Марфа»), и отец Ермолай («Изгнанница Бориса Годунова»), и архимандрит Антоний («Рано или поздно»), и странница из повести «Заблудшая».

Чудо в рассказе представлено в нескольких вариантах: явление самого Сергия Радонежского и его помощь бедной женщине, исцеление от тяжелой болезни Захара Архиповича и внутренние, духовные перемены в жизни купца, когда он перестает воспринимать острог как острог, а начинает видеть в своей неволе Божий Промысел.

Семенов оказывается в оппозиции по отношению к другим каторжникам, но это не агрессивное противостояние, а противостояние через смирение и любовь к ближним: «Он жил между колодниками своей отдельной, особенной жизнью; их крики, ругательства, бесстыдные признания не внушали ему омерзения, даже не смущали его, и вызывали в нем одну мысль: «я, может быть, и хуже их. Они не ведают, что творят» [Энгельгардт 1882: 739].

Таким образом, герой вступает в рамки духовной изоляции дважды: первый раз, когда от отчаяния отказывается от молитвы, и второй раз, когда молитва вновь входит в его повседневную жизнь. Семенов,

изменяя себя, помогает и окружающим его каторжникам. Они проникаются к нему уважением и начинают меняться сами.

Такой переход, по мысли автора, возможен, но для этого герой должен преодолеть сложный путь от греха к покаянию. В словах героя, обращенных к Макару Антиповичу, заложен тот же смысл, что и у Толстого: «Тебя Господь сюда и привел на покаяние» [Энгельгардт 1882: 756]. Обратим внимание на тот факт, что этот путь (грех — покаяние — преображение) отмечается рядом исследователей как важнейшая сюжетная схема в произведениях классиков, содержащих линии близких авторам, порою автобиографических героев [Андреева; Мельник].

В рассказе Энгельгардт грех купца заключается в том, что, оказавшись в условиях сытой, денежной жизни, он забывает о Боге. С мотивом греха в рассказе автор объединяет и мотив денег. В произведениях Энгельгардт деньги становятся источником зла, если они не используются во благо для людей. Часто героев Энгельгардт настигает жадность и скупость в самых отвратительных их проявлениях. Герой нередко спивается («Рассказ матери Маргариты», 1873) или воплощает в себе образ «скупого рыцаря», для которого невозможно расстаться с награбленными сокровищами («Клад», 1880).

С мотивом покаяния в рассказе неразрывно связан и мотив прощения. Герой проходит через нравственное испытание. Он встает перед выбором: возненавидеть того, по чьей вине он оказался на каторге и отомстить ему или простить этого человека. В образе грешника-убийцы предстает Макар Антипович, с которым купец встречается на каторге.

Показательно, что еще до того, как выяснилась правда, Семенов видит в нем того самого убийцу. Возникает образ беса, нашептывающего герою эти мысли на ухо: «Сысоев убийца купца, он твой убийца, — твердил ему тайный голос. Он отнял у тебя жену, детей, родной кров, надел на тебя кандалы, и он же нагло смотрит на тебя, да еще попытался доказать, что ты злодей» [Энгельгардт 1882: 742].

Прощение убийцы становится личным, сознательным выбором героя, влияющим и на самого преступника. Семенов ловит Сысоева на попытке побега и не выдает его: «Семенов видел иногда, что ночью он вставал и молился, а в свободные часы уходил на задний двор и там бродил один» [Энгельгардт 1882: 755]. Молитва в конечном итоге приводит Макара Антиповича к покаянию. Семенова отпускают на свободу.

Энгельгардт, в отличие от Толстого, продолжает историю и после освобождения героя. Для нее оказывается важным показать то, что стало с семьей купца за те годы, которые он провел на каторге. В рассказе перекликаются и взаимно, по контрасту отражаются мотив денег и мотив жизни с Богом как воплощение настоящего богатства, непостижимого для меркантильного ума. Семенов признается своему старшему сыну: «Я, Матвей, в Сибири клад нашел, такой клад, что здесь мне никакой торговлей такого не нажить. Матвей взглянул на него, и выражение его лица изменилось в одно мгновение, глаза оживились, заблестали» [Энгельгардт 1882: 758].

В результате герой снова соприкасается со своей прежней жизнью, в которой первостепенное место занимали деньги. Образ Матвея характеризуют меркантильность, жажда наживы, что отражается и в портрете, когда «глаза его оживились и заблестали» при слове «клад», и в его отношении к ближним, прежде всего, к жене и родному брату Петру. Жену он ругает за лишнюю потраченную копейку и строго контролирует расходы, брату же при разделе имущества он отдает меньшую долю. Младший сын, Петр, живет бедно, он вдовец. Семейные отношения осложняются еще и тем, что Петр влюблен в жену Матвея. Согласно представлению Энгельгардт, без отца, главы семейства, отношения рушатся, а возвращение героя приводит сыновей к покаянию.

В пределах семьи герои проходят через такие искушения, как измены, жадность, зависть. Автор выстраивает определенную внутрисемейную иерархию, имеющую целью придать христианским мотивам еще большую выразительность. Отец или мать также выполняют роль духовного наставника для своих детей. Это связано с тем, что они к моменту возникновения какой-то сложной ситуации в жизни их сына или дочери уже приобретают опыт общения с Богом.

Герой Энгельгардт находится в постоянном поиске не только духовном, но и житейском — поиске справедливости, когда невиновный человек попадает в тюрьму за чужую вину. Подобный сюжет реализуется не только в рассмотренном нами рассказе, но и, например, в повести «Просьба на Екатерину II» (1885).

Герой рассказа Толстого, купец Аксенов, также проходит через духовное перерождение на каторге, но подробностей этого мы не видим. Аксенов предстает перед читателем спустя 26 лет: «Волоса его на голове стали белые как снег, и борода отросла длинная, узкая и седая. Вся

веселость его пропала. Оно сгорбился, стал ходить тихо, говорил мало, никогда не смеялся и часто молился Богу» [Толстой 21: 249]. Энгельгардт в своем рассказе наоборот уделяет внимание тем сложностям, которые встречаются на пути Семенова к вере: отчаянию, утрате надежды на земное правосудие, тяготам жизни в остроге, трудному нравственному выбору — простить или нет своего обидчика. Также существенное отличие рассказа Толстого состоит в том, что он не вводит в повествование образ духовного наставника или священника. Аксенов прощает настоящего виновника, когда становится свидетелем его искреннего покаяния: «Бог простит тебя; может быть, я во сто раз хуже тебя! — И вдруг у него на душе легко стало. И он перестал скучать о доме, и никуда не хотел из острога, а только думал о последнем часе» [Толстой 21: 253].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что мотивы в рассказе «Один Бог правду видит» противопоставлены на сюжетном уровне, а также на уровне персонажей и хронотопа: грех — покаяние, молитва — проклятие/ворожба/спиритизм, бесы — светлые силы, чудо — ложное чудо. Герой противопоставлен как темным духовным силам, так и внешнему противнику, воплощенному в человеческом облике. Социальный контекст в рассказе Энгельгардт не имеет большого значения, не оценивается словесно, к которому принадлежит герой, как не имеют важного смысла его образование и внешность. Ее персонажа определяет выбор в непростых жизненных ситуациях в пользу греха или покаяния. Покаяние оказывается единственным инструментом, способным изменить жизнь героя в лучшую сторону. Герои Энгельгардт также сталкиваются в борьбе за любовь, справедливость, свободу, и в более широком смысле в борьбе с темной стороной духовного мира.

Список литературы

Источники

Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: АН СССР, 1953. Т. 1. 574 с.

Даль В. И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2020. 984 с.

Дружинин А. В. Из писем иногороднего подписчика о русской журналистике // Собрание сочинений А. В. Дружинина. Т. 6. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1865. URL:http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0420oldorfo.shtml (дата обращения: 20.01.2022).

Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности. Разрушение эстетики. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 287 с. URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0360.shtml (дата обращения: 13.01.2022).

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Энгельгардт С. В. Вечер на святках // Газета Гатцука. 1882. 2, 9, 16, 23, 30 января; 6, 13 февраля.

Энгельгардт С. В. Где же счастье? // Русский вестник. 1864. № 9. С. 80–154.

Энгельгардт С. В. Заблудшая // Газета Гатцука. 1877. 26 марта. 3, 10, 14, 21, 28 апреля.

Энгельгардт С. В. Злоба дня // Русский вестник. 1881. № 4. С. 748–882.

Энгельгардт С. В. Изгнанница Бориса Годунова. Повесть // Детский отдых, 1885. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1885_izgnanitza_borisa_godunova.shtml (дата обращения: 15.01.2022).

Энгельгардт С. В. Клад. Рассказ странника. СПб.: Досуг и дело, 1880. Вып. 2. 24 с. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1880_klad.shtml (дата обращения: 20.10.2021).

Энгельгардт С. В. Марфа // Газета Гатцука. 1876. 8, 14 января.

Энгельгардт С. В. Один Бог правду видит // Газета Гатцука, 1882, 9, 16, 23, 30 октября; 6, 13 ноября.

Энгельгардт С. В. Просьба на Екатерину II // Детский отдых, 1885, июль. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1885_prosba_na_ekaterinu_2.shtml (дата обращения: 15.01.2022).

Энгельгардт С. В. Рано или поздно // Газета Гатцука. 1878. 7, 15 января.

Энгельгардт С. В. Рассказ матери Маргариты // Соч. Ольги Н. [псевд.]. М.: О-во распространения полезных книг, 1873. 39 с. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_s_w/text_1873_rasskaz_materi_margarity.shtml (дата обращения: 20.10.2021).

Исследования

Андреева В. Г. Н. В. Гоголь и Л. Н. Толстой: преемственность эпической традиции // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 118–165. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-118-165>

Вершинина Н. Л. Русская беллетристика 1830-х–1840-х годов: (Проблемы жанра и стиля). Псков: Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова, 1997. 179 с.

Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века. М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1991. 90 с.

Дунаев М. М. Православие и русская литература: в 6-ти ч. М.: Христианская литература, 2001–2004.

Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.

Котельников В. А. Православие в творчестве русских писателей XIX в. // Христианские чтения. 1994. № 9. С. 7–42.

Мельник В. И. Дантовский эпос в русской литературе: Н. В. Гоголь, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 1. С. 68–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-68-117>

Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst: Verlag F. K. Gopfert, 1998. 223 с. URL:https://a-z.ru/women_cd1/html/s_1.htm (дата обращения: 14.01.2022).

Толстовский листок. Толстой и о Толстом / сост. В. А. Мороз. Вып. 1. М.: «Мамонтовский дом», «Музей народной живописи», 1995. 115 с.

Чернов А. В. Русская беллетристика 20–40-х годов XIX в. (Вопросы генезиса, эстетики и поэтики). Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 1997. 181 с.

References

- Andreeva, V. G. “N. V. Gogol’ i L. N. Tolstoi: preemstvennost’ epicheskoi traditsii” [“N. V. Gogol and L. N. Tolstoy: Continuity of the Epic Tradition”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 1, 2022, pp. 118–165. Available at: <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-118-165> (In Russ.)
- Vershinina, N. L. *Russkaia belletristika 1830-kh–1840-kh godov: (Problemy zhanra i stilii)* [Russian Fiction of the 1830s–1840s: (Genre and Style Issues)]. Pskov, Pskov State Pedagogical Institute Publ., 1997. 179 p. (In Russ.)
- Gurvich, I. A. *Belletristika v russkoi literature XIX veka* [Fiction in Russian Literature of the 19th Century]. Moscow, Russian Open University Publ., 1991. 90 p. (In Russ.)
- Dunaev, M. M. *Pravoslavie i russkaia literatura: v 6-ti ch.* [Orthodoxy and Russian Literature: in 6 parts]. Moscow, Khristianskaia literatura Publ., 2001–2004. (In Russ.)
- Esaulov, I. A. *Paskhal’nost’ russkoi slovesnosti* [Easter Aspect of Russian Literature]. Moscow, Krug Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
- Kotel’nikov, V. A. “Pravoslavie v tvorchestve russkikh pisatelei XIX v.” [“Orthodoxy in the Works of Russian Writers of the 19th Century”]. *Khristianskie chteniia*, no. 9, 1994, pp. 7–42. (In Russ.)
- Meľnik, V. I. “Dantovskii epos v russkoi literature: N. V. Gogol’, I. A. Goncharov, F. M. Dostoevskii” [“Dante’s Epic in Russian Literature: N. V. Gogol, I. A. Goncharov, F. M. Dostoevsky”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 1, 2022, pp. 68–117. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-1-68-117> (In Russ.)
- Savkina, I. *Provintsialki russkoi literatury (zhenskaia proza 30–40-kh godov XIX veka)* [Provincials of Russian Literature (Women’s Prose of the 30–40s of the 19th Century)]. Available at: https://a-z.ru/women_cd1/html/s_1.htm (Accessed 14 January 2022). (In Russ.)
- Tolstovskii listok. Tolstoi i o Tolstom*, sost. V. A. Moroz [Tolstoy Sheet. Tolstoy and About Tolstoy], issue 1, comp. by V. A. Moroz. Moscow, Mamontovskii dom Publ., Muzei narodnoi zhivopisi Publ., 1995. 115 p. (In Russ.)
- Chernov, A. V. *Russkaia belletristika 20–40-kh godov XIX v. (Voprosy genezisa, estetiki i poetiki)* [Russian Fiction of the 20–40s of the 19th Century. (Genesis, Aesthetics and Poetics Issues)]. Cherepovets, Cherepovets State University Publ., 1997. 181 p. (In Russ.)